

Some tendencies of functioning of lexical units in speech of public servants

The article deals with the language of public service, which is proved to be the model, the standard of the verbal behaviour for citizens of the Russian Federation and reflects the level of the language culture of the modern society, and therefore there is a need to study the trends of its dynamics. The result of the study revealed three interrelated fundamental linguistic processes that reflect the current state of the administrative and political discourse and determine the new verbal characteristics of public service representatives.

Key words: *language of public service, lexical features, administrative and political discourse, official and business linguistic style, neologisms.*

(Статья поступила в редакцию 29.01.2018)

А.В. КРЕМНЕВА
(Барнаул)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ФУНКЦИЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖА

Описываются функции интертекстуальных включений, особое внимание уделяется рассмотрению функции характеристики персонажа в художественном дискурсе. Рассматриваются понятия языковой личности, интертекстуального тезауруса. Приводятся примеры использования интертекстуальных включений в функции характеристики персонажа из современной прозы на русском и английском языках.

Ключевые слова: *функции интертекстуальных включений, языковая личность, интертекстуальный тезаурус, образ персонажа, художественный дискурс.*

Одним из важных аспектов в исследовании интертекстуальности является выявление и изучение функций интертекстуальных включений в текстах различных жанров. Число таких функций, выделяемых различными авто-

рами, значительно варьируется [1; 4; 11; 12]. При этом выделяемые функции зачастую схожи по сути, однако описываются исследователями с помощью разных терминов. Так, Г.Г. Слышкин выделяет 4 основные функции интертекстуальных включений («концептов прецедентных текстов» по терминологии автора): номинативную, персуазивную, людическую и парольную [11, с. 85–104], при этом анализ содержания выделяемых им функций показывает, что персуазивная функция – это функция убеждения, людическая – это игровая функция, а парольная – это контактоустанавливающая функция в терминологии Г.В. Денисовой [4].

Отметим, что мы согласны с высказанным некоторыми исследователями мнением о том, что интертекстуальные средства могут выражать как одну, так и несколько функций одновременно. Например, Г.В. Бобровская, описывая роль интертекстуальности в публицистическом дискурсе, говорит о кооперативном принципе фигур интертекста: «выступая в качестве доминантной в той или иной коммуникативно-прагматической ситуации, определенная функция обязательно дополняется другими функциями, более или менее четко выраженными» [1, с. 205]. При этом автор выделяет целый ряд дискурсивных ролей интертекстуальности, а именно: социокультурную, презентационно-коммуникативную, аргументативно-риторическую, эстетическую и семантическую, каждая из которых, в свою очередь, воплощается в тексте с помощью таких фигур интертекста, как цитирование, аппликация, парафраз и аллюзия, выполняющих более частные функции, связанные с решением конкретных прагматических задач.

С учетом того, что интертекстуальность является неотъемлемой принадлежностью текстов различных жанров, а в случае художественных текстов – текстов, принадлежащих к различным направлениям, нам представляется, что дальнейшее более детальное изучение вопроса о функциях интертекстуальных включений должно вестись в аспекте выявления взаимозависимости интертекста и литературного направления, к которому принадлежит автор, а также жанра текста. Наряду с такими общими функциями, как текстообразующая, смыслообразующая и экспрессивная, интертекстуальные включения текстов различных жанров и различных авторов выполняют свои, специфические для данного жан-

ра или для данного литературного направления функции.

Что касается художественного дискурса, то для него наиболее характерны три функции интертекстуальности: функция смыслопорождения с помощью использования неконвенционального средства кодирования смысла, функция структурно-семантической организации текста, а также функции характеристики персонажа [7; 8]. На рассмотрении этой последней функции интертекстуальных включений, помогающих автору более тонко описать героя произведения, дать оценку его языковой личности, мы хотели бы остановиться в данной статье.

Говоря о языковой личности, мы исходим из ее трактовки, предложенной в работах Г.И. Богина [2], Ю.Н. Караулова [6], В.И. Карасика [5] и др. исследователей [9], как личности, выраженной в языке и через язык и реконструированной в своих основных чертах на базе языковых данных. Ю.Н. Караулов, понимающий под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)», особо подчеркивает, что данное понятие является составляющим более широкого понятия личности вообще, во всем комплексе ее свойств, но поскольку интеллект человека находит свое наиболее полное проявление в языке, исследование языковой личности позволяет составить более полное представление о личности вообще [6, с. 35–36].

Итак, на первый план при рассмотрении языковой личности выходит изучение ее интеллекта, который наиболее интенсивно проявляется через язык. Выделяя в структуре организации языковой личности три уровня (вербально-семантический, включающий лексикон, а также фонд грамматических знаний личности; лингвокогнитивный, представленный в виде тезауруса, запечатлевшего систему знаний о мире; мотивационный, в котором находит свое отражение прагматикон личности), Ю.Н. Караулов подчеркивает, что языковая личность начинается с лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня. По его мнению, на уровне ординарной языковой семантики смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений интеллектуальные свойства индивида еще не могут иметь достаточно отчетливого проявления. Языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, и ее изучение следует начинать с уста-

новления иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе [6, с. 36].

В.И. Карасик, предлагая рассматривать языковую личность как коммуникативную в условиях общения, выделяет ценностный, познавательный и поведенческий аспекты внутри этого понятия, соотнося их с трехуровневой структурой языковой личности у Ю.Н. Караулова. При этом модель коммуникативной личности по В.И. Карасику не строится на какой-либо иерархии, напротив, все ее компоненты являются равнозначными, что более соответствует идеям, провозглашаемым с позиций коммуникативной лингвистики, в рамках которой подчеркивается условный характер между семантикой и прагматикой языка. «Отношение знака к миру, лишённое человеческого опосредования, теряет смысл... отношение знака к человеку, лишённое языкового опосредования, артикуляции, дифференциации, переводит общение в сугубо эмоциональную сферу... иначе говоря, десемантизация (чистая прагматика) – это реальное общение, выходящее за рамки поведения человека (*homo sapiens*), а депрагматизация (чистая семантика) – это отсутствие общения как такового» [5, с. 28].

Рассуждая о содержании понятия «языковая личность», нельзя не обратиться к вопросу о том, что же представляет собой ее лингвокультурный, или интертекстуальный, тезаурус – вся совокупность прецедентных феноменов, которая находится в памяти индивида. Будучи особым форматом знания, в котором хранятся в различных формах (словесных или образных) все прецедентные высказывания, интертекстуальный тезаурус играет важнейшую роль в раскрытии особенностей языковой личности. Прецедентные высказывания, на которые языковая личность опирается в своей речевой и текстопорождающей деятельности, позволяют ей генерировать и интерпретировать смыслы в процессе коммуникации. По уровню владения индивида своим языком, по его коммуникативным способностям, по способам выражения мысли, по умению адаптировать свою речь в зависимости от собеседника мы формируем представление о нем как о личности вообще.

Примеры использования интертекстуальных включений с целью характеристики личности того или иного персонажа часто встречаются в современной прозе. Так Ю. Поляков нередко обращается в этом приеме в своих романах «Гипсовый трубочка» и «Фантомные

были». Одна из его героинь Наталья Павловна Обоярова, журналистка, выросшая в интеллигентной московской семье и, несомненно, обладающая солидным интертекстуальным тезаурусом, в беседах с другим героем, Андреем Кокотовым, органически вплетает в свою речь массу отсылок к различным прецедентным феноменам, известным личностям, текстам мировой художественной литературы и т. д., подразумевая, что ее собеседник, будучи литератором, сможет распознать заложенные в них смыслы. Однако же Кокотов, несмотря на его отчаянные попытки произвести на героиню самое положительное впечатление, порой вынужден обращаться к ней за дополнительными комментариями, демонстрируя, к своему стыду, собственное невежество. Обратимся к примерам.

Пример 1

– Она не без способностей, – заметил писатель.

– Это **Софья Парнок**. Я дала Алсу почитать...

– Кто?

– Возлюбленная Марины Цветаевой. Неужели не знаете?

– Ах, ну да... Конечно... Не расслышал... [10, с. 208].

В другой беседе с писателем Обоярова говорит о том, что в конце разговора она метнула в собеседника скифский взгляд и вышла вон.

Пример 2

– Какой-какой взгляд? – не понял Андрей Львович.

– **Скифский**. Неужели не слышали?

– Не-ет...

– Эх вы, писатель! Скифские всадники умели на полном скаку стрелять без промаха, развернувшись назад в седле. ... Поняли, мой герой? Поэтому утонченные греки обольщающий взгляд, который, уходя, женщина бросает через плечо, называли «скифским» [Там же, с. 179–180].

Пример 3

Мы с ней подружились, болтали по-английски, она смотрела на меня круглыми от восхищения глазами и повторяла: «Наталли, вы так похожи на Настасью Филипповну!» И знаете, я была польщена! Почему-то дамы, особенно порядочные, счастливы, когда их сравнивают с ненормальной патаскухой **Барашиковой**.

– С кем?

– Барашикова – фамилия Настасьи Филипповны. Вы разве не знали?

– Знал, конечно, просто не расслышал [10, с. 153].

Комментируя приведенные выше ситуации речевого общения, вновь обратимся к мнению Ю.Н. Караулова о том, что автор не может создать полного речевого портрета, а значит, и образа персонажа в целом, исходя только из вербализованной части лексикона персонажа. У писателя неизбежно возникает необходимость обращения и к невербализованной части лексикона, которая воспроизводится в том числе и в ситуациях слушания и понимания персонажем высказываний собеседников [6, с. 92]. Добавим, что ситуации непонимания наподобие тех, что описаны Ю. Поляковым, могут добавлять еще более красноречивые детали к портретам персонажей.

В следующем отрывке автор описывает радиоинтервью с загадочной русской поэтессой Ангелиной Грешко, которая, по словам ведущего радиопрограммы, является школьной учительницей из маленького города Вязники.

Пример 4

– Как вы относитесь к современной поэзии? – спросил влажный мужской голос.

– Ой, даже и не знаю, как сказать... Ну, вот у нас в школе, в Вязниках, когда детишки подхватят кишечную палочку, то все бегают и бегают... не знаю, как это сказать...

– Вы считаете, современная русская поэзия подхватила палочку **Бродского**?

– А кто это?

– Гениально! ... – засмеялся Сэм Лобасов [10, с. 249].

Далее в романе речь идет о том, что в реальной жизни поэтесса носит совсем другое имя, работает старшим научным сотрудником Музея восточных культур, а автором стихов, шокирующих откровенным эротическим содержанием, на самом деле является ее супруг, выпускник филологического факультета. Создание образа скромной вязниковской учительницы, по словам одного из героев, было необходимо для того, чтобы привлечь внимание публики: Ну, выскочит на сцену мужик и пробубнит какую-нибудь рифмованную похабщину, и что? Ничего особенного. А вот если выйдет милая вязниковская училка в очках... А знаете, сколько эта Ангелина Грешко, которую на самом деле зовут Катькой Потаповой, берет за выступление на корпоративной вечеринке, допустим, в банке? ... Тысячу евро. А после этой передачи, уверен, будет брать еще больше! [Там же, с. 149–150].

Итак, с помощью интертекстуального включения в виде прецедентного имени или

феномена автор дает краткую характеристику языковой личности персонажа. Использование прецедентного высказывания для передачи смысла позволяет характеризовать не только языковую личность говорящего, но и слушающего, которому адресовано сообщение и которому оказан своеобразный кредит доверия. В приведенных примерах этот кредит доверия не оправдался.

Отметим, что все приведенные выше примеры представляют собой образцы в разной степени наложения художественного и публицистического дискурсов. В случае с провинциальной поэтессой, которой не знакомо имя Бродского, читатель романа становится слушателем радиопрограммы. В примерах 1, 2 и 3 участником коммуникации является героиня, работавшая журналисткой ТАСС, для которой использование в речи интертекстуальных включений стало привычкой, обусловленной отчасти профессией, отчасти способностью прецедентных текстов относить коммуникантов к той или иной социально-культурной прослойке, выступая в качестве опознавательных знаков, одним из средств социальной оценки. Перефразируя известную сентенцию, можно сказать: «Позволь мне послушать, как ты говоришь, в какие формы ты облакаешь мысль, и я скажу, кто ты, каков уровень твоего интеллекта и твоего образования». Использование интертекстуальных включений в этих отрывках романа помогает выявить ту репрезентационно-коммуникативную роль, которую, по мнению Г.В. Бобровской, интертекстуальность может играть в рамках публицистического дискурса, выполняя при этом либо имиджевую функцию, свидетельствуя об эрудиции и начитанности автора материала, либо идентифицирующую функцию, когда знание прецедентного текста говорит о том, что адресант и адресат находятся в единой системе ценностно-смысловых координат, обладают общими фоновыми знаниями [1, с. 207].

Приведем другие примеры участия интертекстуальности в создании образа персонажа, характеристике его языковой личности, о чем мы уже упоминали выше, рассматривая роль интертекстуального тезауруса в структуре языковой личности. Следующий пример, показывающий использование интертекстуального включения для характеристики персонажей, взят из романа Д. Лоджа “Nice Work”.

Пример 5

The drive over the still snow-covered wastes of the Pennines on the Rolling M62 was spectacu-

lar. ‘Oh look, that’s the way to Haworth!’ Robyn exclaimed, reading a roadsign. ‘The Brontës!

‘What are they?’ Wilcox asked.

‘Novelists. Charlotte and Emily Brontë. Have you never read Jane Eyre and Wuthering Heights?’

‘I’ve heard of them, said Wilcox guardedly. ‘Women’s books, aren’t they?’

‘They are about women,’ says Robyn. ‘But they are not women’s books in the narrow sense. They are classics – two of the greatest novels of the nineteenth century, actually’ [13, p. 202].

Данный отрывок построен на приеме контраста двух персонажей – представителя академической среды и представителя среднего класса, менеджера предприятия. И если для Робин, главной героини романа, название городка служит интертекстуальным сигналом, или смысловым триггером (в терминологии Е.Е. Голубковой [3]), который «запускает» в ее сознании воспоминание о сестрах Бронте и героинях их романов, то для ее спутника это всего лишь название местности на дорожном указателе.

Тот же принцип контраста двух персонажей, принадлежащих к разным социально-культурным прослойкам, использован Ю. Поляковым в романе «Фантомные были» в беседе героини Натальи Обояровой с бандитом, «крышующим» незаконный бизнес ее мужа.

Пример 6

*– Прощайте, Степан Иванович! Федор, пойдем же скорей, мы опоздаем. Я не могу пропустить **Второй концерт Бриттена!***

– И что, хорошо поет? – заинтересовался Покатый, почувствовав себя уязвленным.

– Подходяще.

– А когда третий концерт? [10, с. 179].

Упоминание имени Бенджамина Бриттена и его музыкального сочинения способствует не только созданию образа персонажа, никогда не слышавшего о британском композиторе-новаторе, но и созданию юмористического эффекта, который автор еще больше усиливает в конце главы, упоминая, что, соглашаясь на сделку, Покатый высказал единственную просьбу – «сообщить ему, когда в Москве будет третий концерт Бриттена» [Там же, с. 180].

Все сказанное позволяет заключить, что лингвокультурный, или интертекстуальный, тезаурус как особый формат хранения знания является важным параметром описания языковой личности, а одной из значимых функций интертекстуальных включений в рамках дискурса художественной литературы выступает функция характеристики персонажа.

Список литературы

1. Бобровская Г.В. Интертекстуальность и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах различных типов: кол. моногр. 3-е изд., стер. М.: Флинта, Наука, 2016. С. 203–220.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
3. Голубкова Е.Е. Семантика и функционирование прецедентных имен сказочных персонажей с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом им. Г.Р. Державина, 2016. С. 198–206.
4. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / предисл. С. Гардзонио; предисл. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Кремнева А.В. О функциях интертекстуальных включений в художественном тексте // Язык – Текст – Литература: коммуникативная парадигма: сб. ст. к 70-летию А.А. Чувакина / под ред. И.Ю. Качесовой, Н.В. Панченко. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2011. С. 375–382.
8. Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия (когнитивно-семиотический подход) // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. – Тамбов, 2015. С. 638–640.
9. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. 2-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007.
10. Поляков Ю.М. Фантомные были. М.: Издательство АСТ, 2017.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
12. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: АГАР, 2000.
13. Lodge D. Nice Work. Lnd., Penguin Books, 1989.

* * *

1. Bobrovskaja G.V. Intertekstual'nost' i figury interteksta v publicisticheskom diskurse // Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah razlichnyh tipov: kol. monogr. 3-е изд., стер. М.: Flinta, Nauka, 2016. S. 203–220.

2. Bogin G.I. Model' jazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov: dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1984.
3. Golubkova E.E. Semantika i funkcionirovanie precedentsnyh imen skazochnyh personazhej s kognitivnoj točki zrenija // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXIV: Lichnost'. Jazyk. Soznanie: sb. nauch. tr. M.: In-t jazykoznanija RAN, Tambov: Izd. dom im. G.R. Derzhavina, 2016. S. 198–206.
4. Denisova G.V. V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod / predisl. S. Gardzonio; predisl. Ju.N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2003.
5. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.
6. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 3-е изд., стер. М.: Editorial URSS, 2003.
7. Kremneva A.V. O funkcijah intertekstual'nyh vkljuchenij v hudozhestvennom tekste // Jazyk – Tekst – Literatura: kommunikativnaja paradigma: sb. st. k 70-letiju A.A. Chuvakina / pod red. I. Ju. Kachesovoj, N.V. Panchenko. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta, 2011. S. 375–382.
8. Kremneva A.V. Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstvija (kognitivno-semiotičeskij podhod) // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXI: Problemy sovremennoj lingvistiki: na styke kognicii i kommunikacii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. M. – Tambov, 2015. S. 638–640.
9. Naumov V.V. Lingvističeskaja identifikacija lichnosti. 2-е изд., стер. М.: KomKniga, 2007.
10. Poljakov Ju.M. Fantomnye byli. M.: Izdatel'stvo AST, 2017.
11. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu. Lingvokul'turnye koncepty precedentsnyh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000.
12. Fateeva N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov. M.: AGAR, 2000.

Intertextual inclusions in literary texts: function of describing a character

The article deals with the functions of the intertextual inclusions; special attention is paid to the characterization function in the artistic discourse. The concepts of linguistic personality and intertextual thesaurus are under consideration. The examples of the use of the intertextual inclusions in the characterization function are given in Russian and English.

Key words: *functions of intertextual inclusions, language personality, intertextual thesaurus, character image, artistic discourse.*

(Статья поступила в редакцию 29.01.2018)